

XXII.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Начало 1834.)

Много времени протекло, какъ родилась у меня мысль ѣхать въ Палестину, чтобы обогатить и оживить мои свѣдѣнія, какія необходимы для начатія настоящей моей картины, такъ и будущихъ изъ Св. Писанія. Но не имѣя ни собственныхъ способовъ, ни счастливыхъ случаевъ, намѣреніе мое, хотя и многими одобряемое, оставалось какъ бы умершимъ. Настоящій случай мнѣ подаетъ поводы испытать свое счастье. Я узналъ, что графъ Гурьевъ весьма сильно отговаривалъ Брюлло не ѣхать съ Давыдовымъ, вслѣдствіе чего я васъ просилъ бы развѣдить: на какихъ условіяхъ возьметъ Давыдовъ живописца, если Брюлло совершенно откажется.

Надѣюсь, что не оставите меня извѣстить о томъ въ непродолжительномъ времени.

XXIII.

КЪ ГРАФУ МУСИНУ-ПУШКИНУ-БРЮСУ.

Римъ. Февраля 28, 1834.

Сіятельныйшій графъ! Весьма не скоро честь имѣю отвѣчать на бумагу вашу отъ 25 сентября прошедшаго года со вложеніемъ векселя въ триста червонцевъ, ибо домашнія и другія непріятности въ сіе время часто доводили меня до болѣзненнаго состоянія, и теперь только позволяютъ мнѣ исполнить сію священную обязанность.

Не испытавъ себя никогда въ производствѣ большаго, я предпринялъ теперь написать картину въ двухъ фигурахъ, въ естественную величину, представляющую «Исуса въ вертоградѣ», которая уже и подмалевана. Занимаюсь также обработываніемъ сюжета моего «Появленіе Мессіи», и молю судьбу ниспослать мнѣ способы исполнить его въ большомъ видѣ, ибо съ настоящими этого дѣлать не возможно.

Эскизы онаго, доселѣ дѣланные, коихъ произвожу пятый, по словамъ Торвальдсена, Овербека, Корнеліуса, Камуччини и другихъ, ведутъ композицію къ совершенству.

Съ глубочайшимъ высокопочитаемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства, милостивый государь, покорнѣйшій слуга

Александръ Ивановъ.

~~~~~

XXIV.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Февраль 1834.)

Письмо ваше отъ 19 ноября прошедшаго года мнѣ доказало отличное ваше ко мнѣ расположеніе:

Я началъ картину «Исусъ послѣ воскресенія является Магдалинѣ»: она уже подмалевана, можно бы было ее и болѣе подвинуть въ протекшее время, но грусть невольно завладѣвала мною при отъѣздѣ вашемъ, часто вырывала у меня изъ рукъ палитру. Какъ завидно званіе ученаго! Я имѣлъ случай говорить объ васъ съ Ободовскимъ—онъ съ большимъ почтеніемъ объ васъ отзывался; а мы, художники (русскіе) рады замарать другъ друга во всякое время.

Картина Бруни уже подмалевана—прекрасное будетъ произведеніе; я часто захаживаю къ нему въ студию, чтобы напиться и духомъ, и вкусомъ сего великаго художника. Онъ теперъ нарисоваль для княгини портреты дѣвицъ Кепальти, да такъ нарисоваль, что мы согласились назвать этотъ группъ лучшимъ его произведеніемъ въ семь родѣ. Жалѣю, что вы его не увидите. Здѣсь у насъ опять Тургеневъ, спрашиваль объ васъ, и самъ хочеть ѣхать отсюда въ Москву. Лапченки зрѣніе все такое же.

Жуковскій говорилъ объ моемъ намѣреніи ѣхать въ Палестину съ Григоровичемъ, на что сей послѣдній согласился, съ тѣмъ, однакожь, чтобы я прислалъ своихъ трудовъ что-либо въ Петербургъ, судя по коимъ и будутъ уже даны мнѣ спо-

собы совершить сей вояжъ, или чтобы постараться склонить кого либо изъ большихъ въ Римѣ написать въ Петербургъ. Я думаю употребить въ семь случаѣ Торвальдсена. Киль ¹⁾ работаетъ въ Ватиканѣ акварелью съ Рафаэля, но Бруни для него все нарисоваль, ибо Киль не учился рисовать фигуру.

XXV.

КЪ О Т Ц У.

(Виченца. Весна 1834.)

Батюшка! Весьма благодарю васъ за письмо № 5, отъ марта 20 сего года. Кромѣ тѣхъ чувствъ, кои радуютъ всегда мое сердце при полученіи онаго, я нашель и подробное описаніе всего того, что меня много интересуеть. Давно я не получаль подобнаго письма. Я оное получилъ весьма поздно, и вотъ почему:

Усталый умственно и физически, я рѣшился воспользоваться позволеніемъ Общества на путешествіе по сѣверной Италіи; надѣюсь, что вояжъ мой укрѣпитъ мои силы физическія, изнуренныя частыми непріятностями.

Надѣюсь также, что наглядка на произведенія венеціанской школы и другихъ поможетъ, по возвращеніи моемъ въ Римъ, окончить начатую картину «Исусъ въ вертоградѣ», съ которой чертежъ я немедленно пришло вамъ по возвращеніи въ Римъ, куда я уже на обратномъ пути; слѣдовательно, вы адресуйте письмо ко мнѣ въ Римъ, какъ и всегда.

Ахъ, сколько хлопотъ по полученію денегъ отъ Засена, столь чистосердечно мною ему предложенныхъ!

Часто-ли вы видаетесь съ Жуковскимъ? Я къ нему хочу послать эскизъ «Появленіе Мессіи», но не прежде, какъ остановлюсь на сочиненіи, которымъ я еще не доволенъ.

---

¹⁾ Ал. Ив. Киль, любитель, внослѣдствіи инспекторъ русскихъ художниковъ въ Римѣ.

Мысль о возвратѣ на родину вышибаетъ у меня и палитру, и кисти, и всю охоту что-либо сдѣлать порядочное по искусству. Вотъ почему прошу и васъ, и всѣхъ, до времени мнѣ объ этомъ не напоминать, а не то грустныя мысли опять завладѣютъ мною, и я въ Италіи проведу остальные дни пенсіонерства моего въ совершенномъ бездѣйствіи, а что еще хуже—въ уныніи.

Извините, что письмо сіе еще короче моихъ короткихъ, ибо я въ вояжѣ, и пишу къ вамъ изъ Виченцы, изъ коей завтра выѣзжаю въ Верону.

Я боюсь, чтобы вы не воспрепятствовали моему вояжу въ Палестину. Изъ письма вашего это видно. Пожалуйста, вы хоть нейтральнымъ будьте, и вспоминайте то время, когда (вы) хотѣли отправить меня въ Китай на двѣнадцать лѣтъ.

Матушка!

Извините, что пишу къ вамъ мало; попеняйте, пожалуйста, Марьѣ Андреевнѣ за неприсылку записочки, а я въ ожиданіи оной буду пріучать себя къ мысли, что это не есть охлажденіе.

~~~~~

XXVI—XXVII.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Миланъ. Весна 1834.)

Милостивый Государь Петръ Ивановичъ!

Письмо ваше, со вложеніемъ батюшкинаго, я получилъ въ день и часъ выѣзда моего изъ Венеціи; радовался, что оно меня тамъ застало, но до сего дня не могъ избрать свободнаго часа для отвѣта на оное, столь занятъ я былъ дорогою.

Какъ прискорбно было мнѣ слышать, что вы опять болѣете глазами и болѣе прежняго! Я полагаю, что нѣтъ другаго средства къ вашему выздоровленію, какъ ѣхать на Искію, вмѣстѣ съ Лапченко.

Не спрашивайте меня о впечатлѣніи, какое сдѣлали на меня Венеція и другіе города, мною видѣнные, ибо я самъ себѣ до сихъ поръ не могу дать чистаго отчета обо всемъ, что видѣлъ въ пути по моей части.

Бѣду, пишу красками, записываю, рисую, читаю, а расскажу вамъ не прежде мое мнѣніе, какъ по пріѣздѣ въ Римъ, гдѣ лъщу себя надеждою еще разъ встрѣтиться съ вами, еще разъ имѣть откровенныя бесѣды, дружественныя, если смѣю такъ-сказать, и—проститься до свиданія на родинѣ.

Я до сихъ поръ не соединялся еще съ прекрасными, которыхъ много и много встрѣчаю. Ахъ, какъ онѣ вездѣ хороши! Постарайтесь прислать отвѣтъ на сіе письмо во Флоренцію, чѣмъ весьма меня одолжите.

Прощайте, будьте здоровы и счастливы.

Вамъ преданный

А. Ивановъ.

Прошу передать сіи строки Лапченко.

Другъ Лапченко!

Что касается до моего здоровья, то я, кажется, чувствую себя лучше. Въ Венеціи въ особенности я провелъ дни весело: по утрамъ проводилъ время, осматривая церкви, и галереи; въ часы зноя занимался въ академіи копіею съ «Ассунты», которую везу тебѣ показать, а по вечерамъ мы, т.-е. я съ прибрѣтеннымъ полчищемъ веселыхъ венеціанскихъ художниковъ, проводили время на площади св. Марка за медленнымъ кофе, отпуская разныя остроты посящимъ мелкіе товары, между коими была одна граціознѣйшая. *Наи carito?* ¹⁾ Но одиночество въ пути изъ Венеціи въ Миланъ было для меня тягостно.

Поторопись доставить мнѣ отвѣтъ на письмо сіе во Флоренцію, гдѣ постарайся помѣстить новости, какія случатся. Извѣстіе о здоровьи Маркова, о пріѣздѣ его брата ²⁾ и о моей студіи для меня весьма любопытно.

¹⁾ Ты понялъ?

²⁾ Алексѣй Тарас. Марковъ пріѣхалъ въ Римъ, въ маѣ 1884.

XXVIII.

КЪ Гр. Иг. ЛАПЧЕНКЪ.

(Римъ. Весна 1834.)

Смѣсь чувствъ, неуправляемыхъ умомъ, всегда ведетъ за собою стыдъ и негодованіе на себя; я это почувствовалъ прежде полученія отъ тебя отвѣта, и потому послѣднее письмо мое не только прошу сжечь, но и не помнить; а такъ какъ изъ всего можно извлекать пользу, то я поставлю теперь себѣ правиломъ, не только не писать, но и не говорить ничего, не упорядочась послѣ какого-нибудь сильнаго для чувствъ случая. Хорошо что мнѣ не случилось въ тотъ же день видѣться съ Засеномъ, а то бы и онъ узналъ мой нравственный недостатокъ. Но полно объ этомъ; надѣюсь, ты забудешь послѣднее письмо мое.

Засень все еще со мною не откровененъ, все держится своего тона. Бруни въ самомъ лучшемъ своемъ положеніи, т.-е. все князь Рафалинъ; кажется, еще сталъ безпокойнѣе, начинаетъ разговаривать безпорядочно, и даже подъ часъ глупо. А Гофманъ! Гофманъ ¹⁾, какъ тѣнь! Я ужаснулся, когда его увидѣлъ: онъ блѣденъ и худъ необыкновенно, и глаза у него смотрятъ въ полный зрачокъ, часто неподвижно. Я просилъ Рафалина взять всевозможное попеченіе его успокоить; а можетъ быть и самъ рѣшусь съ нимъ имѣть разговоръ наединѣ.

Посылаю тебѣ очки. Вексель твой за 150 скудъ продать. Угадаешь-ли, кого я видѣлъ въ банкѣ?—Владимира. Княгиня ²⁾, за недостаткомъ его воспитанія, которое сама ему дала, отпустила бѣднаго сироту, и онъ теперь писцомъ у Валентини ³⁾.

Кланяйся красавицамъ, и постарайся привести ихъ въ такое состояніе, чтобы мнѣ можно было опять пріѣзжать къ нимъ въ Альбано.

¹⁾ Русскій живописецъ, родомъ изъ Риги.

²⁾ Княгиня Зен. Ал. Волконская.

³⁾ Римскій банкиръ.

Шевыревъ и князь ѣдутъ въ субботу утромъ; первый сознался, что не можетъ видѣть тебя за обѣдомъ.

Что касается до моего пріѣзда въ Альбано, то это можно рѣшить такъ: если Витторія можетъ сидѣть аккуратно постоянно четыре часа въ день (и, кстати сказать, по секрету) съ чувствецомъ, т. е. чтобы иногда, не стыдясь меня, давала бы волю своимъ глазкамъ и губкамъ, то я пріѣду сдѣлать этюдъ для «Богородицы всѣхъ скорбящихъ», и между тѣмъ, можетъ быть, окончу и оставшійся прескверный мой подмалевокъ. Если-жъ нельзя на сихъ условіяхъ мнѣ пріѣхать, то, конечно, ты не откажешься привезти мои вещи, тамъ оставленныя.

Если я оскорбляю тебя, говоря столь свободно о Витторіи, то объяви, скажи мнѣ, я готовъ всевозможно тебя слушать; прости мнѣ, ибо я до сихъ поръ не знаю навѣрное.

Еслибъ ты мнѣ рѣшительно объявилъ, что она твоя супруга, то тогда бы я столь же глубокое уваженіе къ ней имѣлъ, какъ и къ тебѣ.

XXIX.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ.

(Римъ. Весна 1834.)

Николай Матвѣевич!

Повторять ли отвѣтное письмо на ваше, изъ Дрездена, или начать новое, я въ недоумѣніи; я хотѣлъ въ этомъ послать прорисъ съ эскиза моего: «Появленіе Мессіи». Но гдѣ вы? Существуете ли вы?—никто ничего не знаетъ. Я рѣшился послать сегодня на удачу, и если въ самомъ дѣлѣ вы насъ одолжите отвѣтомъ, то, конечно, мы будемъ усердными исполнителями всего того, что вы на насъ возложите. Для меня не только служить вамъ, но вспоминать имя ваше, съ коимъ вмѣстѣ вспоминаются счастливыя минуты жизни (моей), для меня усладительно.

Усталый нравственно и физически, я рѣшился сдѣлать путешествіе по сѣверной Италіи; взялъ въ руки Ланци; видѣлъ всѣ школы итальянскія. Я недавно возвратился изъ вояжа и чувствительно поправился здоровьемъ; продолжаю оканчивать мою картину: «Исусъ въ вертоградѣ», судя по коей члены Общества опредѣляютъ вояжъ мой въ Палестину.

Новостей въ Римѣ мало: указъ Императора объ ограниченіи пребыванія русскихъ за границею насъ, художниковъ, весьма опечалилъ, а въ особенности Бруни, который даже охладѣлъ къ своей превосходно начатой картинѣ; Киль сдѣланъ директоромъ русскихъ художниковъ въ Римѣ ¹⁾, и прочія тому подобныя, о коихъ говорить скучно.

XXX.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Осень 1834.)

Откладывалъ я до свободнѣйшаго времени отвѣчать вамъ на письмо за №—, но такое отлагательство ведетъ за собою только упреки совѣсти. Винюсь и отвѣчаю. Письмо ваше я получилъ по пріѣздѣ изъ Тиволи, гдѣ написалъ этюды столѣтнихъ кипарисовъ, украшающихъ садъ дука д'Эсте, для картины моей «Исусъ и Магдалина»; такимъ образомъ окончность у меня теперь кончена, и я принимаюсь за окончаніе фигуръ. Какая разница писать большую картину, или маленькую! Я въ отчаяніи отъ фигуры Христа. Думаю, думаю, углубляюсь—и въ наблюденіе великихъ мастеровъ, и въ природу—никакого не нахожу пособія. Совѣтоваться мнѣ не съ кѣмъ, ибо постигающіе точки совершенства изящныхъ искусствъ хотя и имѣютъ ее общею цѣлью, но каждый идетъ къ ней путемъ

¹⁾ Въ то время ходили только слухи о назначеніи Киль; на самомъ же дѣлѣ былъ назначенъ тогда на это мѣсто Кривцовъ, а Киль—лишь нѣсколько лѣтъ спустя.

различнымъ. Но обратимся къ отвѣту на письмо ваше. Деньги на содержаніе мое отъ Общества я получилъ, и давно получилъ, но не отвѣчалъ еще на ихъ бумагу—это меня беспокоитъ. Я ее сочиню. Сочинить бумагу въ Общество гораздо труднѣе, нежели это письмо. Вы не повѣрите, какъ я мучился, видя изъ письма вашего все безпокойство, какое я причиняю (вамъ) моимъ поведеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, я виноватъ, что не посылаю бумагу въ Общество заранѣе о испрошеніи мнѣ пенсіона. Знаете ли, что я тогда думаю? Я полагаю, что Общество, ко мнѣ имѣя полную довѣренность, и зная мои важныя занятія, о которыхъ я имъ сообщалъ, и думать не будетъ объ ограниченіи моего здѣсь содержанія; но это видно не такъ, и вотъ съ тою прозекной бумагой, которую, помните, хвалилъ Григоровичъ, пропали у меня высокія мысли, и я теперь надъ ними готовъ столько же смѣяться, какъ Вольтеръ надъ Св. Писаніемъ. Но я что-то опять завлекся; отвѣчаю на письмо: вы просите меня извѣщать васъ о чемъ-нибудь, у насъ происходящемъ,—предметъ въ самомъ дѣлѣ любопытный, а потомъ, христіански, спрашиваете о состояніи глазъ Лапченки.

Состояніе русской семьи въ Римѣ мнѣ менѣе всего извѣстно, ибо, наскучивъ однообразными воспоминаніями и разборами о подломъ воспитаніи, которое получили всѣ мы въ Академіи, слѣдствіемъ коего укрѣпилась въ насъ, вмѣсто дѣятельности къ ученію и наблюденію природы, природная свора и разгульная жизнь, я совершенно оставилъ русскихъ, которыхъ люблю до самоотверженія. Я знаю только, что Брюлло и Ефимовъ поѣхали въ Грецію съ Давыдовымъ. Объ иностранныхъ художникахъ скажу: Торвальдсенъ пересталъ работать. Послѣднія его произведенія доказываютъ, что онъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Нѣсколько молодыхъ скульпторовъ нѣмецкихъ и итальянскихъ начинаютъ занимать его мѣсто. Они близятся къ древнимъ грекамъ, и вотъ и все условіе скульпторовъ. Но живописцы, о, живописцы совсѣмъ иное! Мы, несчастные, терпимъ жестокаго революціи, и до сихъ поръ не можемъ ни на чемъ остановиться. Нѣмцы въ глазахъ почтеннаго свѣта имѣютъ двухъ отличныхъ художниковъ: Корнелиуса и Овербека. Первый еще разъ поддержалъ свое имя,

окончивъ здѣсь въ Римѣ большой картонъ, представляющій «Страшный судъ»—вещь дѣйствительно отличную, по выраженію страстей и простотѣ чистаго стиля, чего всегда ищемъ (мы), художники, и чѣмъ единственно довольствуемся. Отшельникъ Овербекъ молится, молится въ своихъ картинахъ. Онъ отказался отъ всѣхъ почестей, и тѣмъ менѣе въ зависти у другихъ. Его «Фонтанъ христіанскихъ художниковъ» ¹⁾ уже подходитъ къ концу. Но кто согласить нѣмцевъ надѣтъ вѣнки на сихъ двухъ мужей! Большая половина ихъ кричитъ, что не въ нашъ вѣкъ работать изъ Св. Писанія, что за охота повторять! Они держатъ себя въ границахъ холоднаго подражанія живописнаго лучшаго времени! — «Надобно,—говорятъ они,—согласоваться съ требованіемъ нашего времени, и дѣйствовать на удовлетвореніе публики», и вотъ они пустились въ tableaux de genre подражать французамъ, и не могутъ быть французами, а французы, послѣ гипсоваго стиля Жерарда, Жироде, Давида и другихъ, пустились подражать первой половинѣ нѣмцевъ, въ сухой классицизмъ живописи, существовавшій до Рафаэля. Англичане держутся одного эффекта, какъ и всегда бывало.

Но я, кажется, слишкомъ уже много наговорилъ вамъ; время сказать что-нибудь на ваше участіе въ помощи Лапченкѣ: онъ живетъ въ двадцати верстахъ отъ Рима, въ Альбано, его здоровье совершенно хорошо, но глаза едва улучшаются. Теперь онъ ѣдетъ въ Неаполь, для принятія бань, которыя должны рѣшить совершенно его положеніе. Далѣе: что мнѣ дѣлать съ В. А. Жуковскимъ? Стыдно и очень стыдно мнѣ передъ нимъ, но не я виноватъ, во-первыхъ, а Скарятинъ. Не правда-ли, что покойнику гораздо легче быть виноватымъ, нежели мнѣ, живому? Вслѣдствіе бумаги, присланной изъ Общества, я остановился высылкой эскиза, ибо они хотѣли его видѣть вмѣстѣ съ моею картиною. Почему бы вамъ не поговорить съ Григоровичемъ о мѣстѣ въ Москвѣ? Весьма васъ благодарю за извѣстіе о состояніи и занятіи ва-

¹⁾ Рѣчь идетъ здѣсь объ извѣстной картинѣ Овербека: „Der Bund der Religion mit den Künsten“, гдѣ художники расположены группами вокругъ аллегорическаго „Фонтана жизни“.

шемъ, и отечественныхъ художниковъ. Пожалуйста, и впредь меня не забывайте снабжать этимъ, и подробнѣе.

Я бы очень не желалъ жить здѣсь второй разъ въ безденежьи. Ваша помощь въ такомъ случаѣ для меня нестерпима: я содрогаюсь при одной мысли объ ней. Что касается до сужденія Григоровича о большихъ картинахъ, такъ это можно рѣшить такъ: если Общество удвоить мнѣ пенсію, безъ огражденія срока, то можно будетъ писать и въ большомъ видѣ «Іоанна, указывающаго народу Іисуса»; если же нѣтъ, то гораздо вѣрнѣе, что сочиненіе сіе останется въ эскизѣ. Я нищій и послушникъ крайней нужды. Бруни думалъ, что можно, получая три тысячи рублей въ годъ, писать огромную картину—засѣлъ съ подмалевкомъ, и никогда его не кончить.

~~~~~

XXXI.

КЪ ОТЦУ.

(Римъ. Осень 1834.)

Батюшка!

Вы, кажется, слишкомъ холодно разобрали минуту, мною выбранную. Слово: «не прикасайся!» означенное удвоеннымъ шагомъ Христа, и запретительное положеніе правой руки, совершенно можетъ быть въ одну секунду, вслѣдствіе положенія корпуса Маріи, живо бросившейся къ ногамъ учителя, и потому я совершенно все оставилъ безъ переменъ. Что же касается до лѣвой руки Іисуса, то она у меня уже переменена, и придерживаетъ падающее платье съ лѣваго плеча, которое имѣетъ цвѣтъ мистическій, т.-е. голубоватый съ золотыми звѣздами, какъ то превосходно представилъ Рафаэль, если вы помните эстампъ: «Іисусъ поручаетъ Петру пасти овцы Его», а также преподобный Ангелико да Фіэзоле, родитель церковнаго стила, представлялъ въ такой одеждѣ Іисуса или Божію Матерь по отшествіи ихъ отъ земли. — Камень приблизилъ къ самой двери гроба, а теперь доби-

ваюсь красивой и простой уборки головы Маріи съ покрываломъ. Волосы должны быть заплетены въ длинныя тонкія косы, какъ то видно изъ уборокъ Востока. Я очень думалъ: почему Марія приняла за садовника Іисуса, и опредѣляю это такъ: что, слыша голосъ не изъ гроба, мудрено ли, что она почла его за садовника Іосифова сада, въ которомъ сама теперь находится, тѣмъ болѣе, съ заплаканными глазами едва ли можно различить предметъ, особливо въ *утреннюю млуботу*. Вслѣдствіе сего послѣдняго я постараюсь окончить картину нѣкоторымъ родомъ полутемно; мудрено, впрочемъ, это сдѣлать безъ черноты.

Болѣе же всего меня держитъ то, что едва ли я успѣю ее кончить, какъ мнѣ бы хотѣлось, дабы послать ее весною въ Петербургъ. Что-жъ вы мнѣ не написали о вашихъ занятіяхъ, какъ, чтѣ и гдѣ, по живописной, мнѣ весьма любимой, части.

~~~~~

XXXII.

КЪ В. И. ГРИГОРОВИЧУ.

(Римъ. Ноябрь 1834.)

Окончивъ эскизъ въ день 23 ноября, въ субботу, я съ горькимъ трепетомъ пошелъ въ то мѣсто, гдѣ всегда получаемъ мы письма,—съ горькимъ, говорю, потому что съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ родину, я ничего отраднаго въ нихъ не встрѣчалъ. Но въ настоящемъ я увидѣлъ давно ожидаемое, давно желанное,—письмо руки вашей. Весьма благодарю васъ за таковое.

Радуюсь и утѣшаюсь тѣмъ, что когда былъ въ силахъ работать, то не терялъ времени, и еслибъ Общество возвратило мнѣ тотъ годъ, въ который я страдалъ въ нервической лихорадкѣ, сраженный отставкою моего родителя, то, конечно бы, оно увидало передъ собой все то, чтѣ оно назначало мнѣ инструкціей. Къ посланному картону прибавило бы «Іисуса, являющагося Маріи Магдалинѣ послѣ воскресенія» — картина до-

ведена почти къ концу; увидѣло бы картину «Аполлона»—хотя я ее и оставилъ немного неоконченною, но надѣюсь, что, по окончаніи большой вышесказанной картины, мнѣ не трудно и ее исполнить; а что касается до эскиза «Появленіе Мессіи», до сей поры кажущагося неудобноисполнимымъ, вы въ скоромъ времени его увидите въ Петербургѣ, и вы рѣшите, что Торвальдсенъ, Овербекъ, Корнелиусъ, Камуччини и всѣ, составляющіе имя живущаго въ Римѣ, льстили мнѣ похвалами, или говорили правду, что эскизъ сей долженъ быть выполненъ въ большомъ видѣ. Къ симъ трудамъ должно прибавить копію мою съ Тиціана: «Вознесеніе Б. М.», сдѣланную въ путешествіи въ Венецію. Говорить ли еще о портфеляхъ, полныхъ эскизами и этюдами, говорить ли о томъ времени, которое употреблялось къ начитыванію нужныхъ матеріаловъ—и, наконецъ, спросить васъ: велики ли три года, и какіе плоды приносили мои предшественники въ столь короткое время пенсіонерства своего? Довольно! Я представлю письменный отчетъ мой въ Общество, которымъ занимаюсь, и пришлю его въ непродолжительномъ времени.

Еще вамъ слово искреннее, чистосердечное. Вы говорите: ѣздилъ ли Камуччини въ Палестину, когда писалъ сюжеты, заимствованные изъ Новаго Завѣта? Отвѣчаю: холодный Камуччини принадлежитъ къ проходящей школѣ художниковъ, на которую мы смотримъ теперь съ уваженіемъ потому только, что она вышла изъ барокко, но что Овербекъ въ образномъ стилѣ гораздо болѣе приблизился къ истинному классическому; что англичанинъ Изыкъ, который пользуется и до сихъ поръ именемъ отличнаго художника, работая изъ греческой исторіи, въ заключеніе ученія своего въ Римѣ, ѣздилъ въ Аѳины; что Карлъ Брюлло сдѣлалъ такъ счастливо, скопировавъ «Улицу гробовъ», для «Послѣдняго дня Помпей». Вы не думайте однакожь, чтобы я этимъ хотѣлъ настаивать на отказанномъ мнѣ вояжѣ—я оставляю (это) другому, гораздо меня счастливѣйшему, вмѣстѣ съ эскизомъ моимъ, если угодно.

XXXIII.

КЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЮ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ, ГРАФУ МУСИНУ-ПУШКИНУ-БРЮСУ.

(Римъ. Ноябрь 1834.)

Ваше сіятельство!

Сколь ни старался я послѣть картиной моею, представляющей «Исуса, являющагося Маріи послѣ воскресенія», къ истеченію назначеннаго мнѣ четырехлѣтія, но неопытность моя въ производствѣ большихъ вещей часто заставляла меня перемѣнять и переписывать многое. Не имѣя истиннаго понятія о колоритѣ, установленномъ великими геніями Италіи, я рѣшился, передъ окончаніемъ моего труда, воспользоваться давно даннымъ мнѣ вами позволеніемъ увидать верхнюю Италію. Всмотрѣвшись въ Тиціана и его современниковъ, на вѣки положившихъ предѣлы масляныхъ красокъ, (я) плѣнился «Св. Геронимомъ» Корреджіо—сею живописью живописей, и съ новыми силами приступилъ къ окончанію моего труда. Но конецъ моего здѣсь содержанія совершенно обезоруживаетъ меня привести мой трудъ въ ту степень, чтобы не только оправдать онымъ тѣ попеченія, кои имѣло Общество о моемъ воспитаніи, но и вызвать онымъ къ исполненію въ большомъ видѣ сюжета, мною избраннаго—«Появленіе Мессіи», коего писанный эскизъ я на сихъ дняхъ окончилъ.

Говорить ли мнѣ о моей болѣзни, похитившей у меня годъ цѣлый пенсіи, частью, чтобы убѣдить васъ предстательствовать за меня у Общества объ отсроченіи моего здѣсь пребыванія; сравнивать ли себя съ предшествовавшими моими товарищами, коихъ время пенсіонерства было и здѣсь счастливѣе моего; представлять ли въ необходимость пребыванія заграницей время чтенія необходимыхъ книгъ и изученіе языковъ и всего, относящагося къ образованію? Всѣ эти убѣжденія къ отсроченію моему будутъ, безъ сомнѣнія, ничтожны, въ

сравненіи съ тѣмъ горячимъ рвеніемъ и щедростью соотечественниковъ—любителей Общества, съ которыми они дѣйствуютъ на развитіе родныхъ талантовъ. Вотъ почему я и надѣюсь на ходатайство вашего сіятельства, и при томъ всегдашнемъ расположеніи ко мнѣ Общества, въ коемъ вы сами меня увѣрили, моя настоящая просьба объ отложеніи мнѣ содержанія не будетъ отброшена, и мнѣ не трудно будетъ ожидать счастливѣйшаго разрѣшенія.

Съ полною увѣренностью на милость вашу остаюсь постоянный къ трудамъ моимъ

Александръ Ивановъ.

XXXIV.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ. Ноябрь? 1834.)

Извѣстіе о состояніи соотечественныхъ художниковъ въ Римѣ, безъ сомнѣнія, любопытно будетъ для васъ. Главное вниманіе наше устремлено должно быть на Брюлло, какъ на сильнѣйшаго въ искусствѣ, или вполне сформировавшагося, живописца всеобъемлящаго, или историческаго. Разочтемъ-же теперь всѣ способы, коими пользовался сей великій человекъ нашего времени, исчислимъ и его ошибки, и упомянемъ о упущеніи правящихъ людей, дабы слѣдующимъ пенсіонерамъ не подать повода испортить нравственность свою.

Вообще надобно сказать, напрасно Брюлло обвиняли въ потерѣ времени, въ лѣности и проч. Въ его время въ нашей Академіи Художествъ науки были въ совершенномъ разстройствѣ: надобно было изучить языки иностранные, и начитаться всего того, что требуетъ просвѣщенный нашъ вѣкъ отъ художника.

Такимъ образомъ нашъ славный живописецъ, созрѣвая книжными познаніями, не могъ въ то же время скоро произ-

водить свои практическія производства, и казался лѣнивымъ въ глазахъ невѣждъ.

Остановка въ исправной присылкѣ денегъ на его содержаніе встревожила его, наконецъ, до такой степени, что вспылчивый художникъ послалъ назадъ вамъ, когда получилъ, и подвергнулся вашему гнѣву. Долго зрѣла его композиція «Послѣдній день Помпеи» въ головѣ его, чертилъ онъ ее въ альбомахъ своихъ, и, наконецъ, рѣшилъ ее въ огромной величинѣ. Римъ смотритъ съ признательностью на него, и мы полагаемъ, что сей результатъ его просвѣщенія, безъ сомнѣнія, порадуетъ и всѣхъ соотечественниковъ.

Теперь у васъ пенсионеръ находится на трехъ тысячахъ, по примѣру всѣхъ. Не получая плату за копію свою съ Микель-Анджело, онъ, конечно, не можетъ на эти деньги расположиться съ большой своей картиной, тѣмъ болѣе, что и время его пребыванія такъ коротко, что подумать нельзя сдѣлать что-либо значительное, тѣмъ болѣе, что по случаю жестокой судьбы, постигшей отца его, онъ страдалъ годъ времени въ нервической лихорадкѣ. Итакъ, я думаю, что должно будетъ или щедро заплатить ему за картины, или удвоить пенсію на продолженіе работы.

XXXV.

ВЪ ОБЩЕСТВО ПОощРЕНІЯ ХУДОЖНИКОВЪ.

(Римъ. Ноябрь 1834.)

Вотъ уже протекли назначенные мнѣ вами годы пребыванія внѣ отечества и, несмотря на всѣ бѣдствія, посмѣнно по выѣздѣ моемъ встрѣчавшіяся, сколь ни старался окончить картину мою къ истеченію назначеннаго мнѣ срока пребыванія за границей, но желаніе лучшаго часто заставляло меня безпощадно перемѣнять и переписывать многое, въ ней совершенно оконченное. Такое провозженіе времени пока-

жется потеряннымъ для того, кто не захочетъ вникнуть, что въ томъ-то и состоитъ настоящее ученіе, что такимъ-то только способомъ, сопровождаемымъ безпрестанною наглядкою на великія произведенія древней Греціи и пятнадцатаго столѣтія, коими Римъ столь изобилуетъ, и приобрѣтается мало-по-малу возвышенный стиль.

Но прежде, чѣмъ вычислю вамъ всѣ мои занятія, я долженъ вамъ доложить, что картонъ мой, рисованный съ Микель-Анджело по вашему назначенію, занялъ у меня гораздо болѣе времени, нежели можно было думать, ибо при малѣйшей непогодѣ ничего нельзя было дѣлать въ темной капеллѣ Сикстинской, а снятіе лѣсовъ для церемоній стоило мнѣ не только времени, но и большихъ хлопотъ, да и самаго здоровья, а особливо когда къ сему прибавимъ извѣстіе объ отставкѣ отца моего. Я лежалъ въ постели цѣлый годъ, слѣдовательно, время свободнаго моего здѣсь изученія начинается послѣ моей болѣзни. Начавъ «Аполлона, занимающагося пѣніемъ вмѣстѣ со своими любимцами Гіацинтомъ и Кипарисомъ», «Исуса, являющагося Маріи Магдалинѣ» и эскизъ «Появленіе Мессіи», я предъ окончаніемъ сихъ трехъ работъ за необходимое счелъ видѣть все то, чѣмъ Италія отличалась въ живописи, изучить характеръ всѣхъ школъ и, наконецъ, составить изъ нихъ себѣ методъ. Наглядка въ Венеціи и копированіе съ Тиціана много мнѣ помогли къ окончанію большой моей картины и эскиза, которые уже послѣ разныхъ перемѣнъ и переписокъ, естественныхъ учащемуся, доведены до окончательнаго вида. Но, чтобы совершенно окончить все, что я началъ, мнѣ нужно то время, которое у меня болѣзнь здѣсь похитила, и тогда вы увидите передъ собою труды мои, количествомъ превышающіе назначеніе инструкціей вашей. О качествѣ же не я долженъ говорить, ибо если я сообщу вамъ, что начинаю пользоваться уваженіемъ Рима, то, конечно, вы мнѣ не повѣрите.

Какъ бы то ни было, но настоящее мое положеніе требуетъ помощи, и я прошу покорнѣйше васъ, благодѣтели мои, не оставить втунѣ начатыя благодѣянія ваши; я же со своей стороны, ободренный новымъ вспоможеніемъ вашимъ,

приложу всё старанія, чтобы не въ продолжительномъ времени представить вамъ мою большую картину «Исуса, являющагося Магдалинѣ», судя по коей, вы усмотрите, въ состояніи ли я буду исполнить въ большомъ видѣ сочиненіе мое: «Появленіе Мессіи».

XXXVI.

ВЪ КОМИТЕТЪ ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ
ХУДОЖНИКОВЪ.

Отъ пенсіонера Александра Иванова покорнѣйшее прошеніе ¹⁾).

Римъ. Ноября 27, 1834.

Пользовавшись четыре года въ Римѣ тѣмъ пенсіономъ, которымъ почтеннѣйшее Общество столь щедро и великодушно меня жаловало, и находясь уже при концѣ онаго, я имѣю счастье принести ему ту живѣйшую благодарность, которую только признательный питомецъ можетъ чувствовать къ своимъ высокимъ покровителямъ. Но если мой слабый талантъ мало наградила ту надежду, которую почтеннѣйшее Общество на меня полагало, и пожертвованія, которыя оно для меня сдѣлало, то я покорнѣйше просилъ бы его объ изъявленіи многомилостиваго снисхожденія. Я не представлялъ ему ни одной картины въ краскахъ, и моего сочиненія. Правда! Но это произошло не отъ лѣности и нерадѣнія (отъ которыхъ долгъ чести и нужда моего дома слишкомъ меня удерживаютъ), а отъ избытка моего уваженія къ членамъ почтеннѣйшаго Общества и той высокой мысли, которую я привыкъ имѣть къ моимъ знаменитымъ покровителямъ и цѣнителямъ изящнаго, стра-

¹⁾ Письма Иванова въ Общество Поощренія Художниковъ, кромѣ тѣхъ, что печатаются здѣсь съ черновыхъ набросковъ, сохранившихся въ бумагахъ А. А., взяты нами изъ дѣлъ Общества.

шась представить имъ вещь, которая не вполне удовлетворила бы ихъ ожиданія. При томъ же (смѣю примолвить): кто изъ молодыхъ художниковъ русскихъ въ краткое четырехлѣтнее свое пребываніе въ Римѣ произвелъ что-нибудь слишкомъ отличное?

Самый Брюлло если сдѣлалъ вещь, достойную всеобщаго вниманія и похвалы, то не ранѣе какъ по десятилѣтнемъ періодѣ времени. Многіе же весь ихъ вѣкъ въ Римѣ ограничиваются копированіемъ.

Пенсіонеру русскому труднѣе, можетъ быть, произвести что-нибудь въ Римѣ, чѣмъ въ Петербургѣ, ибо въ какія-нибудь два-три года онъ все еще робкій ученикъ въ Италіи, тогда какъ произведенія его, посылаемыя въ отечество, критикуются какъ произведенія мастера.

Цѣлаго года мало на постиженіе стилей великихъ мастеровъ, на небольшіе опыты и подражанія имъ, въ различномъ родѣ дѣлаемые,—а цѣлый годъ, какъ извѣстно почтенному Обществу, страдавъ отъ безпрестанныхъ лихорадокъ, я пролежалъ въ постели. Картонъ мой съ Микель-Анджело (исполненный, впрочемъ, по приказанію почтеннѣйшаго Общества),— правда, частица малѣйшая необозримой капеллы Сикстовой,—однакожь, стоилъ бы труда, времени, хлопотъ и здоровья даже опытнѣйшему художнику, отъ безпрестанной складки и перекладки огромныхъ лѣсовъ, при случавшихся часто церковныхъ праздникахъ и темнотѣ капеллы.

Картины, коими я до сихъ поръ занимаюсь, суть: «Исусъ, открывающійся Магдалинѣ по воскресеніи»—вышиною три аршина съ половиною, длиною пять; «Аполлонъ среди любимцевъ своихъ, Гіацинта и Кипариса»—небольшаго размѣра, и эскизъ, уже конченный, масляными красками—«Явленіе въ міръ Мессіи» (взятый изъ второй главы Евангелія Іоанна).

Я былъ бы весьма счастливъ, еслибъ члены почтеннѣйшаго Общества Поощренія Художниковъ соизволили мнѣ на производство картины съ сего эскиза, имѣющаго вскорѣ быть представлену на благоусмотрѣніе моихъ покровителей.

Желая изучить всѣ школы живописи итальянской, для лучшаго окончанія и производства помянутыхъ картинъ

моихъ, я за необходимое почелъ сдѣлать путешествіе въ верхнюю Италію; именно: во Флоренцію, Болонью, Парму, Миланъ, и въ особенности въ Венецію. Но среди сихъ многихъ усилій къ изученію живописи, среди частыхъ болѣзней, время моего пенсіонерства быстро протекло, и я вижу себя въ совершенномъ отчаяніи, не успѣвъ удовлетворить почтеннѣйшее Общество, мнѣ благодѣтельствовавшее, никакимъ произведеніемъ моего искусства. Пребуду въ полномъ отчаяніи еще болѣе, если принужденъ найдусь тотчасъ покинуть всѣ начатки моего ученія, и безъ плодовъ воротиться на родину. Но, побуждаемый живою ревностью доказать почтеннѣйшему Обществу мои силы, и оправдаться передъ нимъ—самымъ дѣломъ, я бы молилъ его неотступно о продленіи мнѣ пенсіона, обѣщаясь въ непродолжительномъ времени послать картину мою: «Иисусъ, открывающійся Магдалинѣ».

Ободренный новымъ вниманіемъ ко мнѣ высокихъ моихъ покровителей, я бы усугубилъ рвеніе мое къ усовершенствованію себя въ живописи, чтобы со временемъ принести честь какъ почтеннѣйшему Обществу, меня одолжившему, такъ и себѣ собственно.

Предавая себя во всемъ власти моихъ покровителей, имѣю честь пребывать съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ ихъ признательнѣйшимъ питомцемъ.

XXXVII.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ¹⁾.

(Римъ. Весна 1834.)

Я видѣлъ только верхнюю половину каскада Терни, ибо внизъ спускаться было и поздно, и изнурительно для моего

¹⁾ Замѣтки эти, по настоящему, должны бы быть помѣщены между письмами XXIV-мъ и XXV-мъ, но, по ошибкѣ, не попали въ свое мѣсто.